

вообще. Впрочемъ авторомъ не оставлены незамѣченными важнѣйшія личныя свойства, отличающія этого, по мнѣнію іудеевъ, двойника Христова (Матѳ. 16, 14) отъ прочихъ посланниковъ Божіихъ: указано свойственное Іереміи полное отождествленіе себя съ участью любимаго народа и то полное сліянiе своей личной жизни съ благомъ народа, ради котораго именно этотъ служитель Божій былъ явленъ Іудѣ Маккавею, какъ молитвенникъ за Израиля, ободрившій его новаго защитника на брань съ врагами.

„Содержаніе книги пророка Іереміи изучено авторомъ обстоятельно; препятствующія его выводамъ мѣста истолкованы въ соотвѣтственномъ автору смыслѣ безъ натяжекъ. Тяжелая и отвлеченно запутанная рѣчь немало однако препятствуетъ ознакомленію съ иногда очень убѣдительными выводами сочиненія. Степени кандидата богословія оно достойно“.

Доцента Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Сергія Казанскаго* на тему: „Цѣнность жизни“.

„Сочиненіе краткое (151 стр.), но содержательное, — богатое, впрочемъ больше вопросами (иногда своеобразными и даже плодотворными), чѣмъ отчетливыми и хорошо мотивированными отвѣтами на нихъ. Въ этомъ обиліи вопросовъ главное достоинство сочиненія, во вмѣстѣ и его выдающійся недостатокъ. Подходя къ предмету всегда съ истинно философскою вдумчивостью и обращая къ нему *свои* своеобразные запросы, авторъ, въ поискахъ за ихъ рѣшеніемъ, не рѣдко заходитъ въ такія области, куда строго научно дисциплинированные умы обыкновенно вступаютъ неохотно (см., наприм., стр. 27—8). Авторъ оптимистъ и обосновываетъ свой оптимизмъ на почвѣ православно-христіанской вѣры. Своей основной тезисъ онъ формулируетъ такъ: „жизнь имѣетъ высокую положительную цѣну, поскольку она дѣйствительно приводитъ человѣка къ возвращенію утраченной было чрезъ грѣхъ возможности достигнуть условія счастья—предѣльной (?) ступени личнаго совершенства“ (стр. 146). Къ обоснованію этого тезиса авторъ идетъ положительно, отводя разбору чужихъ и при томъ заслуживающихъ того, по своей значительности взглядовъ лишь весьма скромное мѣсто. Это выгодно выдѣляетъ сочиненіе автора изъ ряда студенческихъ работъ, обыкновенно загроможденныхъ массою выдержекъ изъ книгъ и изложеніемъ чужихъ взглядовъ. Но сочиненіе несомнѣнно и много выигрывало бы, если бы, при его чтеніи, изъ побочныхъ намековъ и указаній, помѣщенныхъ хотя-бы подъ строкою, чувствовалось, что у автора болѣе солид-

ная эрудиція.—Авторъ обладаетъ достаточно твердымъ и тонкимъ мышленіемъ. Онъ старается обыкновенно уловить всѣ важныя оттѣнки мысли и выразить ихъ соответствующимъ терминомъ, а за ихъ недостаткомъ нерѣдко создаетъ свои, хотя, конечно, не всегда одинаково удачно („субстанціальный тезисъ“—93, „стаціонализмъ“—108, „антиципаціонное счастье“—117 и др.). Самымъ лучшимъ украшеніемъ сочиненія служитъ ясно проявившаяся въ немъ настроенность автора—глубоко-религіозная безъ ханжества, серьезная безъ рисовки, высоко-идеалистическая и благородная. Совершенно искренній въ выраженіи своихъ мыслей и симпатій, вполне убѣжденный въ ихъ правильности по существу, авторъ загорается благороднымъ негодованіемъ при одной мысли, что та или другая неточная его фраза можетъ дать поводъ заподозрить его въ уклоненіи съ прямого пути: мотивы этого, конечно, понятны, но иногда нельзя не пожелать, чтобы авторъ умѣрилъ и смягчилъ тонъ („мы съ негодованіемъ отклоняемъ отъ себя упрекъ въ пантеизмъ: мы не настолько безразсудны“ и т. д.—стр. 91 и др.).—Въ общемъ сочиненіе г. Казанскаго производитъ впечатлѣніе очень благопріятное и степени кандидата заслуживаетъ вполне“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Александра Красовскаго* на тему: „Введеніе въ христіанскую нравственную психологію“.

„Нельзя сказать, что тема, поставленная г. Красовскимъ въ заголовкѣ своего труда, совершенно не соответствуетъ его содержанію; но утверждать, что заголовокъ болѣе, чѣмъ неудаченъ, думается, не откажется и самъ авторъ. Говорить объ этомъ я вынуждаюсь тѣмъ, что авторъ имѣлъ право заблаговременно выбрать себѣ любую формулировку своей темы. Разумѣется только, конечно, что этотъ недосмотръ ставить въ вину автору не приходится.“

„Я кратко передамъ: о чемъ пишетъ г. Красовскій подъ приведеннымъ заголовкомъ.—Въ отдѣлѣ, помѣченномъ цифрой I (1—30 стрр.), очевидно имѣющемъ значеніе введенія къ работѣ автора, онъ говоритъ о теоретическомъ и практическомъ направленіяхъ въ этикѣ. Съ большою горячію авторъ опровергаетъ практиковъ, будто бы враждебно отрицающихъ всякіе труды по теоріи нравственности. Послѣ этого опроверженія, конечно, показывается великая важность научно-теоретическаго обоснованія и раскрытія нравственныхъ проблеммъ.—Остальные три отдѣла посвящены обзору главнѣйшихъ формъ рѣшенія вопроса о причинахъ возникновенія въ человѣкѣ нравственнаго чувства. Во II отдѣлѣ (31—

61 стрр.) даются краткіе характеристика и разборъ теологическаго и антропологическаго рѣшенія этого вопроса. Въ результатѣ устанавливается положеніе, что оба эти воззрѣнія служатъ прекраснымъ восполненіемъ другъ друга и сообща много проливаютъ свѣта въ нравственную область.—Въ III отдѣлѣ (63—140 стрр.) идетъ рѣчь о субъективныхъ основахъ нравственности и метафизико-идеалистическомъ ихъ истолкованіи. Тутъ, конечно, на первомъ мѣстѣ излагается и разбирается (кратко) ученіе Канта о категорическомъ императивѣ, даже упоминаются (на 2-хъ страничкахъ) поправки Фихтэ и Гегеля и, наконецъ, разбирается книжка Spir'a: *Moralität und Religion*. Leipzig. 1874, который пытается чувственное и нравственное влеченіе, противоположныя одно другому (какъ и у Канта), поставить не особнякомъ (въ противоположность тому же Канту), а—въ связи, признавъ ихъ враждующими и борющимися. Въ концѣ отдѣла дѣлается краткая замѣтка о воззрѣніяхъ на этотъ предметъ Шопенгауэра.—Въ IV отдѣлѣ (141—191 стрр.) разсматриваются попытки эмпирико-реалистическаго объясненія нравственныхъ основъ: утилитаризмъ и эволюціонизмъ.

„Какъ видно изъ пересказаннаго содержанія работы г. Красовскаго — она работа чисто критическая и только критическая. Въ этомъ и надо полагать ея главный недостатокъ. Авторъ долженъ былъ бы дать какое-нибудь положительное рѣшеніе вопроса объ основахъ нравственности. Это тѣмъ болѣе желательно въ его трудѣ, что его критика дала ему кое-какіе результаты для этого рѣшенія. Впрочемъ по послѣднимъ страницамъ видно, что авторъ имѣетъ правильный взглядъ на рѣшеніе своей проблемы. Онъ даже и замышлялъ нѣчто обширное и основательное, но... быстро текущее время не позволило осуществить сихъ добрыхъ замысловъ.

„Что касается достоинства наличной работы автора, то о семъ нужно сказать слѣдующее. Авторъ, несомнѣнно, обладаетъ хорошою философскою начитанностію; она всегда сильно помогаетъ ему и при изложеніи и при критикѣ различныхъ философскихъ попытокъ рѣшенія занимающей его проблемы. Изложеніе попытокъ Канта и Спенсера (того и другаго по первоисточникамъ, хотя и переводнымъ) составлено положительно умѣлой рукой: при краткости рѣчи сохранены типичности излагаемаго. Критика автора всегда направляется на основныя и существенныя пункты, часто изблвчаетъ въ авторѣ мѣткую проникательность и вся запечатлѣна характеромъ того, что зовется здравымъ смысломъ.

„Формальнымъ недостаткомъ въ сочиненіи нужно признать игно-

рированіе авторомъ изученнаго имъ матеріала при самомъ написаніи сочиненія. Цитатъ и ссылокъ авторъ не признаетъ; даже приведа разъ (46 стр.) текстъ изъ Новаго Завѣта, авторъ не ставитъ цитаты. Конечно, это еще бѣда не велика. Но въ первомъ отдѣлѣ многія обличенія автора кажутся иногда совершенно тщетными именно потому, что не сопровождаемы ссылками, въ которыхъ была бы вся сила его критики. Видимо, авторъ, начавъ писать, забросилъ всѣ свои книги. Это впрочемъ помогло ему писать всегда существенно, о главномъ, а не разбрасываться по мелочамъ.

„По изложенію сочиненіе опрятно. Языкъ—философскій. У автора много спокойнаго научнаго юмора. Есть лишь кое гдѣ шероховатости изложенія, особенно см. стрр. 39. 76. 82 и 86.

„Вообще г. Красовскій вполне достоинъ полученія ученой степени кандидата богословія“.

Экстраординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Сергія Левитскаго* на тему: „Религіозно-нравственные идеалы русскаго общества въ до-петровскую эпоху, по памятникамъ завѣщательной литературы“.

„Сочиненіе г. Левитскаго распадается на восемь главъ и заключеніе.

„Въ главѣ первой, служащей вмѣсто введенія, авторъ, отмѣтивъ кратко объемъ, общій характеръ и значеніе древне-русской завѣщательной литературы, знакомитъ читателя съ мотивами, порядкомъ и методомъ своего изслѣдованія. Авторъ предположилъ рассмотреть памятники завѣщательной литературы въ хронологическомъ порядкѣ ихъ происхожденія. Главы вторая и третья посвящены „Поученію Владиміра Мономаха“, четвертая и пятая— „Домострою“, шестая, седьмая и восьмая — „Завѣщанію отеческому“ Посошкова. Съ полною обстоятельностью излагаются религіозные и нравственные идеалы по этимъ тремъ памятникамъ, отмѣчается постепенный ростъ религіозно-нравственнаго міросозерцанія русскаго народа съ древнѣйшаго періода его жизни до начала XVIII вѣка. Результаты изслѣдованія кратко изложены въ заключеніи. Авторъ обнаружилъ обширное знакомство съ литературою своего предмета, основательно изучилъ взятые имъ три памятника завѣщательной литературы и свою задачу выполнилъ успѣшно. Языкъ изложенія отличается ясностію и правильностію. Для полученія кандидатской степени сочиненіе должно быть признано удовлетворительнымъ“.

Доцента Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Михаила*

Матвицаго на тему: „Историко-критическое обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ русскаго каноническаго права: Устава бѣлечскаго, Правила Митрополита Іоанна, Вопрошаній Кирика и Определеній Владимірскаго собора 1274 г.“.

„Въ названномъ сочиненіи авторъ, послѣ краткаго введенія, въ которомъ трактуетъ о происхожденіи русскаго церковнаго права, задачѣ сочиненія, планѣ, источникахъ и пособіяхъ, представляетъ изслѣдованіе перечисленныхъ въ темѣ памятниковъ древне-русскаго церковнаго права. Одинъ за другимъ подвергаетъ онъ тщательной исторической критикѣ, подробно анализируя содержаніе его, указывая для него параллельныя мѣста въ греческихъ и русскихъ памятникахъ церковнаго права и комментируя въ потребныхъ случаяхъ отдѣльныя положенія каждаго изъ сихъ памятниковъ. Для осуществленія своей задачи авторъ въ достаточной мѣрѣ ознакомленъ съ литературою своего предмета. Изложеніе и языкъ вполне удовлетворительны. На семъ основаніи признаю автора заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

Экстра-ординарнаго профессора Іеродея Татарскаго о сочиненіи студента *Николая Матвѣева* на тему: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія русскаго народа по духовнымъ стихамъ и легендамъ“.

„Сочиненіе студента Николая Матвѣева имѣетъ своимъ предметомъ „характеристику религіозно-нравственныхъ воззрѣній русскаго народа по духовнымъ стихамъ и легендамъ“.—Въ интересахъ правильной постановки этого предмета, авторъ предпосылаетъ изслѣдованію его довольно обширное введеніе (1—74 стр.), въ которомъ, сообщивъ свѣдѣнія о времени и способѣ происхожденія духовныхъ стиховъ и легендъ и указавъ на ихъ общій христіанскій характеръ, выводитъ опредѣленные заключенія о задачахъ и планѣ предстоящаго труда. При этомъ, сообразно съ существомъ дѣла, онъ раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ равныя части: а) на изложеніе религіозныхъ представленій, заключающихся въ духовныхъ стихахъ и легендахъ и б) на характеристику отразившагося въ нихъ нравственнаго міросозерцанія народа.—Приводимыя здѣсь авторомъ соображенія, свидѣтельствуя о достаточномъ знакомствѣ его съ литературою избраннаго предмета, обнаруживаютъ въ немъ здравое его пониманіе и умѣнье ориентироваться среди разнообразныхъ научныхъ мнѣній и направленій.

Первую часть своего изслѣдованія авторъ раздѣляетъ на три главы.—Въ первой главѣ онъ излагаетъ сказанія русскаго народа о Богѣ троичномъ въ лицахъ, о свойствахъ Божіихъ и о Богѣ,

какъ творцѣ міра, — отмѣчая, особенно въ послѣднемъ случаѣ, нѣкоторое искаженіе народомъ библейскаго повѣствованія примѣсью различныхъ языческихъ и апокрифическихъ преданій. Во второй главѣ имъ изображаются народныя представленія о Богѣ, какъ творцѣ и промыслителѣ человѣка, при чемъ выставляется на видъ сравнительная глубина и чистота заключающихся въ нихъ воззрѣній. Такими же свойствами онъ характеризуетъ и легендарныя представленія народа о человѣкѣ, разсматриваемыя имъ въ третьей главѣ съ трехъ важнѣйшихъ точекъ зрѣнія: со стороны первоначальнаго происхожденія человѣка, со стороны общихъ условій его земнаго существованія и со стороны его конечной судьбы. — Обсужденіе авторомъ своего предмета въ этой части сочиненія отличается полнотою и правильностію въ воззрѣніяхъ; но самое изложеніе его иногда страдаетъ здѣсь отъ повтореній и вообще не представляетъ надлежащей стройности въ распредѣленіи фактическаго матеріала.

Гораздо болѣе послѣдовательности и отчетливости замѣчается во второй части сочиненія, гдѣ авторъ излагаетъ нравственное міросозерцаніе русскаго народа по духовнымъ стихамъ и легендамъ, распредѣляя относящіяся къ нему данныя въ двухъ главахъ. Въ первой изъ нихъ онъ характеризуетъ народныя воззрѣнія на нравственныя обязанности человѣка къ Богу и самому себѣ; а во второй — излагаетъ легендарныя представленія объ обязанностяхъ человѣка къ ближнему. — Въ заключеніе своего разсужденія авторъ указываетъ, хотя въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ, на общую возвышенность и глубину нравственнаго настроенія русскаго народа.

Сочиненіе студента Матвѣева представляетъ собою законченное цѣлое, изслѣдующее данный предметъ съ достаточною основательностію и полнотою и, какъ обработанное съ видимымъ стараніемъ, хотя и съ неодинаковымъ успѣхомъ отъ начала и до конца, должно быть признано удовлетворительнымъ.

Доцента Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Чедомиля Митровича* на тему: „Историческое обозрѣніе Кормчей книги и ея значеніе въ православныхъ славянскихъ церквяхъ“.

„Названное сочиненіе раскрываетъ свою тему въ такой послѣдовательности.“

„Во введеніи (1—60) авторъ представляетъ сначала подробное изложеніе содержанія Кормчей книги, имѣя при этомъ въ виду печатное изданіе ея 1653 года, затѣмъ обозрѣваетъ литературу, посвященную изученію разныхъ типовъ Кормчей и исторіи ихъ

происхожденія. Здѣсь кромѣ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, каковы: Розенкампфъ, митрополитъ Евгеній, Калачевъ, Павловъ и др. авторъ указываетъ и сербскихъ ученыхъ канонистовъ и историковъ, посвятившихъ свои труды изученію славянскаго номоканона, каковы: архимандритъ П. Дучичъ, преосвященный Никодимъ Милашъ, Новаковичъ и др. Съ особеннымъ вниманіемъ при этомъ авторъ останавливается на изслѣдованіяхъ барона Розенкампфа въ его: „историческомъ обзорѣни кормчей книги“ (1 и 2 изданіе). Собственное историческое обзорѣние Кормчей книги авторъ, увлеченный обширными и глубокими изслѣдованіями Розенкампфа, начинаетъ, можетъ быть въ подражаніе ему, также издадека—изложеніемъ исторіи кодификаціи византійскаго церковнаго права, результаты которой „номоканоны“ и „синопсисы“ послужили важнѣйшимъ матеріаломъ для славянскихъ кормчихъ книгъ, хотя для существа дѣла начинать такъ издадека, строго говоря, и не было нужды. Исторія образованія Кормчей книги и судьбы ея до настоящаго времени — главный предметъ сочиненія — представлены авторомъ полно, основательно и интересно. Авторъ обнаружилъ здѣсь большую начитанность. Въ особенности пріятно дѣйствуетъ на читателя весьма обстоятельное изслѣдованіе о мѣстѣ, времени и авторѣ перевода, такъ называемой Рязанской кормчей. Какъ извѣстно, сербское происхожденіе ея доказалъ проф. А. С. Павловъ въ своемъ „Первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ“. Усвоивъ результаты этого изслѣдованія, авторъ дѣлаетъ къ нимъ съ своей стороны дополненія, весьма интересныя, пользуясь сербской учебной литературой (стр. 100—139).

„Вторая часть темы о значеніи Кормчей книги авторомъ не разработана подробно: авторъ ограничился только выраженіемъ своего взгляда на этотъ предметъ, но не раскрылъ его вполне, хотя матеріалъ для сего и имѣлъ подъ руками.

„Принимая во вниманіе добросовѣстность автора въ разрѣшеніи главной задачи сочиненія, его усердіе, начитанность и заботу о точности, ясности и правильности даже внѣшняго изложенія—чистымъ русскимъ языкомъ,—что ему, какъ иностранцу, должно быть поставлено въ заслугу,—признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для соисканія степени кандидата богословія“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Николая Мошкова* на тему: „Преподобный Макарій Египетскій, какъ правоучитель“.

„Какъ извѣстно, творенія преподобнаго Макарія Великаго не

многочисленны и не велики. Напримѣръ, русское изданіе ихъ умѣщается въ одномъ только не очень большомъ томѣ. Самый характеръ и содержаніе твореній пр. Макарія—чисто нравоучительныя. Отдѣльныя статьи и поученія его отличаются стройностію и раздѣльностію изложенія. И то и другое значительно облегчаетъ трудъ автора, работающаго надъ системой нравоученія по Макарію Египетскому. По выставленной темѣ можно ожидать, что сочиненіе Мошкова будетъ работой и легкой и не выдающейся.

„Но г. Мошковъ отнесся къ своей задачѣ не такъ, какъ можно бы отнестись, если бы писать только для полученія первой богословской ученой степени. Изъ своей темы авторъ сдѣлалъ и трудную, и содержательную и научную.

„Достаточно будетъ одного только самаго бѣлаго обзора содержанія сочиненія г. Мошкова, чтобы видѣть, что оно — серьезно и научно обстоятельно. — *Введение* (очень обширное (77 стрр.), которое лучше бы назвать первой главой) посвящено авторомъ разсмотрѣнію тѣхъ первоисточниковъ, гдѣ заключаются свѣдѣнія для біографіи пр. Макарія Египетскаго, и—разсужденію о подлинности тѣхъ твореній, которыя извѣстны подъ именемъ преподобнаго. Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о Лавсанкѣ Палладія, о Руфинѣ, объ Евагріи, объ Иеронимѣ, о Кассіанѣ, о Сократѣ, о Созоменѣ и о Росвендѣ. Авторъ не дѣлаетъ простаго только указанія, что у кого есть касательно житія пр. Макарія, но беретъ на себя трудъ опѣнить критически и самую доброкачественность этихъ свѣдѣній. Таковая критика автора обычно осторожна, убѣдительна и всегда основательна. Съ особенною похвалою должно отозваться о разсужденіяхъ автора касательно Лавсанка Палладія и весьма краткой, но дѣльной, замѣткѣ о Росвендѣ. Въ разсужденіяхъ о подлинности твореній Макаріевыхъ г. Мошковъ побѣдоносно, шагъ за шагомъ, опровергаетъ французскаго патролога Cellier.— *Глава первая* (79—125) излагаетъ жизнь преподобнаго Макарія. Тѣ первоисточники, которые авторъ разсматриваетъ во введеніи, по правдѣ сказать, даютъ весьма мало матеріала автору для первой главы. Посему г. Мошковъ не столько излагаетъ виѣщія событія житія, сколько обрисовываетъ нравственный обликъ пр. Макарія. Умѣлою рукою привлекаетъ онъ для этой цѣли множество мѣстъ изъ самыхъ твореній преподобнаго. Критическая мысль автора и здѣсь стоитъ на той-же высотѣ, что и во введеніи. — *Глава вторая*, небольшая глава (127—158), содержитъ изложеніе общихъ и основныхъ принциповъ нравоучительной системы преп.

Макарія, описаніе нравственнаго идеала. — *Глава третья* (159—255), самая обширная и по содержанію центральная, излагаетъ ученіе пр. Макарія о самой христіанской жизни. Въ ходѣ нравственнаго возрастанія авторъ находитъ четыре ступени, о которыхъ и говоритъ подробно. Самый планъ и изложеніе автора вполне безукоризненны. Изложеніе вѣдется по большей части словами самого св. отца. Авторъ умѣетъ цѣнить всю неподражаемую прелесть его языка. Какъ особенное достоинство работы г. Мошкова, нужно отмѣтить проникновеніе автора въ самый духъ святоотеческаго міровоззрѣнія преп. Макарія. Авторъ систему св. отца не изложилъ только, но передумалъ и пережилъ. Оттого послѣ чтенія сочиненія г. Мошкова остается въ душѣ читателя высокое нравственное удовольствіе.

„Сочиненіе г. Мошкова вообще надо признать вполне достойнымъ не только степени кандидата богословія, но и особой большію похвалы“.

Экстраординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Василія Некрасова* на тему: „Отношеніе первой французской революціи къ церкви и религіи“.

„Задача разсматриваемаго изслѣдованія состояла въ томъ, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ: почему первая французская революція, будучи переворотомъ соціально-политическимъ, направила свои удары противъ церкви и даже противъ религіи. Авторъ долженъ былъ выяснитъ, какія причины придали революціи антицерковное и антирелигіозное направленіе, въ чемъ выразилось и какъ развилось это направленіе и къ чему привело оно?“

„Сочиненіе г. Некрасова раздѣляется на три главы, изъ коихъ первая носитъ заглавіе: „Причины возникновенія антицерковнаго направленія революціи“,—вторая: „Элементы, изъ которыхъ слагалось революціонное отношеніе къ церкви, и первое примѣненіе революціонныхъ принциповъ на практикѣ“ и третья: „Гражданская конституція клира, ея первоначальныя слѣдствія и значеніе“.

„Въ первой главѣ авторъ, изобразивъ въ краткомъ очеркѣ великія историческія заслуги церкви и духовенства для французской націи въ продолженіе многихъ вѣковъ до революціи, прямо ставитъ вопросъ: почему-же, не смотря на все это, революція такъ рѣшительно возстала противъ церкви? Все содержаніе первой главы и служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, при чемъ авторъ изображаетъ соціальное положеніе французскаго духовенства предъ временемъ революціи, подробно характеризуетъ вліяніе на общество

современной антирелигіозной литературы, представляет слабость духовенства въ борьбѣ съ невѣріемъ, его не высокое нравственное состояніе и ту внутреннюю рознь, которая дѣлала его окончательно безсильнымъ.

„Основная мысль второй главы сочиненія та, что революція, въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, была лишь продолженіемъ, крайнимъ развитіемъ и рѣзкимъ примѣненіемъ тѣхъ началъ, которыя были унаслѣдованы ею отъ временъ монархіи. Развивая эту мысль, авторъ изображаетъ сперва теоретическія и практическія отношенія къ церкви французскихъ королей, а затѣмъ и дѣятелей революціи, при чемъ съ особенною подробностію останавливается на изложеніи хода борьбы между церковію и революціею въ „собраніи государственныхъ сословій“, присоединяя къ этому изложенію обстоятельную характеристику и оцѣнку разныхъ ея моментовъ.

„Третья глава сочиненія посвящена критическому изложенію содержанія и обстоятельствъ практическаго осуществленія такъ называемой „гражданской конституціи клира“.

„Широкій вопросъ, взятый г. Некрасовымъ для изслѣдованія, по самому существу своему, избавлялъ автора отъ обязанности вести работу по первоисточникамъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы трудъ его не требовалъ особеннаго напряженія. Напротивъ, внимательно изучить хотя бы только главнѣйшія изслѣдованія по исторіи революціи, разобраться въ громадной массѣ представляемыхъ ими фактовъ, отдѣлать то, что имѣетъ отношеніе къ поставленной задачѣ, надлежащимъ образомъ комбинировать и освѣтить избранную сторону предмета, не уклоняясь куда не слѣдуетъ,—все это было несомнѣнно для автора трудомъ весьма почтеннымъ.—Въ основу его работы положены изслѣдованія: Тэна, Plessensé, Sciout, Iäger, а также Сорель, Зибель, Токквиль, Герпель, Guettée, Ferneuil, Laurent, Бокль, Гейссеръ и др. Представляемый всѣми этими изслѣдованіями обильный фактическій матеріалъ изученъ авторомъ съ надлежащею полнотою и обстоятельностью.

„При осуществленіи своей задачи авторъ съ полнымъ успѣхомъ избѣжалъ той опасности, которая всего болѣе ему грозила, а именно не былъ подавленъ массою фактическаго матеріала и не поддавался искушенію уклониться въ излишне-подробное изложеніе самыхъ событій революціи. Его сочиненіе представляетъ удачную попытку характеризовать и объяснить рассматриваемое явленіе лишь на осно-

ваніи серьезнаго изученія его подробностей, безъ чрезмѣрнаго ихъ изложенія.

„Критическія замѣчанія автора по поводу разсматриваемыхъ имъ антицерковныхъ моментовъ революціи отличаются надлежащею серьезностію и здравомысліемъ.

„Конечно, въ своемъ трудѣ авторъ не свободенъ и отъ недостатковъ. Можно напр. поставить ему вопросъ: почему, изображая социальное положеніе духовенства предъ временемъ революціи, онъ останавливается только на нѣкоторыхъ феодальныхъ правахъ его, оставляя въ сторонѣ другія? Почему онъ говоритъ о землевладѣльцахъ вообще, не заботясь о томъ, чтобы характеризовать въ этомъ случаѣ именно землевладѣльцевъ духовнаго сословія? Почему нѣкоторыя мысли свои онъ не считаетъ нужнымъ доказывать, какъ напр. мысли о томъ, что народъ французскій, въ своемъ противодѣйствіи церкви, не желалъ идти далѣе уничтоженія привилегій, а невѣріе было удѣломъ лишь третьяго сословія и т. д. Но подобныя недостатки и пробѣлы, отъ которыхъ въ большей или меньшей степени не можетъ быть свободно ни одно изслѣдованіе, не имѣютъ особенно существеннаго значенія, равно какъ и нѣкоторыя, почти неизбѣжныя мелкіе недосмотры.

„Болѣзнь не позволила автору надлежащимъ образомъ окончить и обработать свой трудъ, такъ что онъ ограничивается лишь разсмотрѣніемъ антицерковнаго момента революціи, не доходя до изслѣдованія момента антирелигіознаго; но и въ такомъ видѣ сочиненіе г. Некрасова я нахожу возможнымъ признать вполне пригоднымъ для полученія кандидатской степени“.

Доцента Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Николая Орлова* на тему: „Послѣдніе годы жизни Св. Ап. Павла“.

„Обширный трудъ автора посвященъ изслѣдованію послѣднихъ шести-семи лѣтъ жизни Апостола Павла, не вошедшихъ въ книгу Дѣяній Апостоловъ и извѣстныхъ изъ апокрифовъ, свидѣтельствъ писателей церковныхъ и изъ пастырскихъ посланій. Вслѣдъ за коротенькимъ предисловіемъ (стр. 1—6), сочиненіе предварено *введеніемъ* (стр. 7—40), гдѣ авторъ старается выяснитъ, почему Дѣписатель окончилъ книгу общимъ только указаніемъ на двухлѣтнюю дѣятельность Апостола въ Римѣ, не давъ никакихъ подробностей и не сказавъ даже о кончинѣ Апостола. Затѣмъ слѣдуетъ самое изслѣдованіе, состоящее изъ двухъ частей — критической и исторической. Критическая часть посвящена обзорнѣю и оцѣнкѣ источниковъ для полученія свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни

Апостола и имѣеть три главы, изъ коихъ въ первой обозрѣваются апокрифическія сказанія, именно: *πράξεις Παύλου καὶ Πέτρου*, *πράξεις Πούλου*, *πράξεις Πέτρου καὶ Παύλου*, *περίοδοι Πέτρου καὶ Παύλου*, флорентійскіе акты Петра и Павла, славянскіе акты, сообщенія Малалы, Ник. Каллиста, Георгія Амартола, Сим. Метафраста, письмо Діонисія Ареопагита къ Тимоѳею, *πράξεις Παύλου καὶ Θέκλος* (стр. 41—182); во второй главѣ изслѣдуются данныя церковнаго преданія (свидѣтельства Климента Римскаго и Мураторіева отрывка) и общей исторіи (стр. 183—280); въ третьей главѣ разсматриваются пастырскія посланія Ап. Павла къ Тимоѳею и Титу, какъ источникъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ жизни Апостола (стр. 281—408). Часть вторая, историческая, представляетъ послѣдовательное и подробное описаніе подвиговъ Апостола за послѣдніе годы его жизни и мученической кончины, сдѣланные на основаніи выводовъ первой, критической, части; она дѣлится также на три главы: въ первой описывается освобожденіе Апостола отъ первыхъ узъ и путешествіе его на востокъ (стр. 409—496), во второй — возвращеніе Апостола въ Римъ и путешествіе на Западъ, въ Испанію (стр. 497—554), въ третьей — третье прибытіе Апостола въ Римъ, вторыя узы Апостола, судъ надъ нимъ и мученическая кончина (стр. 554—604).

„Пособіями автору служили: 1) изслѣдованія и изданія апокрифической литературы, принадлежація Стихарту, Тишендорфу и особенно Липсіусу, коего обширнымъ трудомъ авторъ воспользовался обильно и многосторонне; 2) труды по исагогикѣ, экзегесу, хронологіи библейской исторіи и пр. Креднера, Визелера, Гофмана, Вейсса, Гильгенфельда, Гольтцмана, Иннокентія, А. В. Горскаго, Клитина и др. мн.

„Недостатками труда должно признать: а) отсутствіе литературной обработки въ изложеніи; б) неумѣренныя подробности въ описаніяхъ на основаніи однихъ только вѣроятностей историческихъ и психологическихъ; г) переступающее мѣру научнаго безпристрастія и осторожности довѣріе къ иностраннымъ пособіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для критики источниковъ пускаются въ ходъ католическія тенденціи, какъ мнимый признакъ слишкомъ поздней эпохи римской церковной исторіи.

„Не смотря на эти недостатки, по обширности труда, по обстоятельности изслѣдованія основныхъ датъ, по важности, новости и трудности предмета—сочиненіе Н. Орлова вполне заслуживаетъ ученой степени кандидата богословія, даже съ похвалою автору“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Кирилла Перевозникова* на тему: „Система нравоученія по проповѣдямъ Димитрія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго“.

„Сочиненіе г. Перевозникова располагается по слѣдующему плану. Во введеніи идетъ рѣчь о неудовлетворительности существующихъ у насъ системъ Нравственнаго Богословія и о необходимости написать новую. Глава I-я трактуетъ о христіанскомъ идеалѣ, частіе: о человѣческой нравственной природѣ, о вѣрѣ и о любви. Глава II-я содержитъ описаніе той нравственной брани, которая и составляетъ содержаніе христіанской жизни. Наконецъ, глава III-я имѣетъ характеръ прикладной: въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ авторъ проповѣдей смотритъ на нѣкоторыя мірскія блага и удовольствія.

„Въ своей работѣ авторъ обнаружилъ очень хорошее знакомство съ изучаемымъ имъ проповѣдникомъ. Хотя у г. Перевозникова и не замѣчается пользованія умѣло составленнымъ г. Никитскимъ указателемъ къ проповѣдямъ Преосв. Димитрія, однако укорять его въ недостаткѣ ссылокъ и параллелей нельзя. — Во введеніи авторъ обнаруживаетъ знакомство съ большинствомъ русскихъ курсовъ Нравственнаго Богословія и—правильный взглядъ на задачи и методъ этой науки.

„Но не чужда работа г. Перевозникова и недостатковъ. Во первыхъ, планъ ея не отличается отчетливостью и стройностію. Главѣ III-й мѣсто не въ концѣ сочиненія и не въ видѣ особой главы, а—въ началѣ II-й главы въ видѣ замѣчаній къ тѣмъ страницамъ, гдѣ идетъ рѣчь о принципахъ и смыслѣ нравственной борьбы въ человѣческой жизни. Отдѣльныя выдержки автора скрѣпляются весьма часто другъ съ другомъ механической связью. Это не система, а наброски системы. — Во вторыхъ, авторъ не въ мѣру многорѣчивъ. Его 525 страницъ свободно могли бы быть сокращены на два. Это зависитъ оттого, что авторъ не искусенъ дѣлать выдержки. Отыскалъ онъ подходящую ему къ дѣлу проповѣдь— и онъ спѣшитъ её цѣликомъ переписать въ свою тетрадь. Онъ не заботится о томъ, чтобы такія выдержки освободить отъ чисто гомилетическихъ украшеній. Поэтому въ сочиненіи г. Перевозникова можно найти и молитвы, и патетическія восклицанія, и обличенія, и убѣжденія и т. п. Особенно многорѣчиво введеніе. — Въ третьихъ, авторъ не сумѣлъ схватить и передать особенностей нравственнаго міровоззрѣнія Преосв. Димитрія; а онъ есть и очень характерны. Кое что впрочемъ относящееся сюда есть въ III-й главѣ.

„Впрочемъ сочиненіе достойно искомой авторомъ степени кандидата богословія“.

Ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента *Николая Писаревскаго* на тему: „Вопросъ о подлинности дѣяній Стоглаваго собора“.

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Во введеніи авторъ говоритъ вообще объ изученіи древнихъ памятниковъ и о редакціяхъ книги Стоглавъ; въ главѣ первой излагаетъ мнѣнія, отрицающія подлинность дѣяній Стоглаваго собора; въ главѣ второй говоритъ о составѣ Стоглава, о внѣшней формѣ его и объ его содержаніи со стороны каноническаго достоинства; въ главѣ третьей излагаетъ свидѣтельства въ пользу подлинности дѣяній Стоглаваго собора.“

„Постановка дѣла у автора очень серьезная, но ему не удается сдѣлать дѣло такъ, какъ онъ предполагалъ бы его сдѣлать, и достигнуть тѣхъ результатовъ, которые онъ обѣщаетъ. При этомъ, въ рѣчахъ автора о внутреннихъ качествахъ Стоглавника, говорящихъ за его подлинность, не мало лишняго и не идущаго къ дѣлу. Не можетъ быть также признано сочиненіе безупречнымъ и съ литературной стороны. Но вообще оно представляетъ собою трудъ усердный и въ достаточной степени удовлетворительный. Авторъ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за него степени кандидата“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Василія Покровскаго* на тему: „Опытъ христіанской (нравственной) психологіи по твореніямъ преподобнаго Ефрема Сирина“.

„Авторъ вѣрно понялъ свою задачу, опредѣливъ нравственную психологію, какъ науку, подлежащую выясненію общіе законы и формы той области сознательной душевной жизни, которой принадлежитъ специфическій, такъ называемый, нравственный элементъ. Подробнѣе содержаніе нравственной психологіи авторъ дѣлитъ на три отдѣла: въ первомъ—обсѣдуются внутреннія начала нравственной дѣятельности; во второмъ—изображается духовная природа человѣка въ ея различныхъ состояніяхъ; въ третьемъ описывается самый процессъ нравственной жизни. Въ общемъ по этому самому плану авторъ и располагаетъ свою работу.“

„Но, къ сожалѣнію, вѣрно опредѣливъ свою задачу и правильно намѣтивъ рамки своего труда, авторъ часто покидаетъ чисто-психологическую почву и становится на почву общенравоучительную и начинаетъ писать „опытъ по христіанскому нравоученію“. И правда, нравственная христіанская психологія и система христіан-

скаго нравоученія—двѣ дисциплины очень сродныя между собою: первая то, какъ часть, занимаетъ цѣлый отдѣлъ въ послѣдней (отдѣлъ психологическій), то, какъ непрерывная нить, проходитъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о психологіи добродѣтели и грѣха, переплетаясь съ изложеніемъ законовъ того и другаго. Но попытка сдѣлать предметомъ изложенія только одну нравственную психологію требовала болѣе тщательнаго обособленія одной дисциплины отъ другой, размежеванія ихъ содержанія. Въ отсутствіи этой тщательности и заключается одинъ изъ самыхъ главныхъ недостатковъ работы г. Покровскаго. Во первыхъ, авторъ, напр., подробно говоря о свободѣ воли, о нравственномъ законѣ, о совѣсти, о невинномъ, грѣховномъ и благодатиомъ состояніяхъ чловѣка, о діаволѣ, о мірѣ, о плоти, о благодати (на 158 стрр.)—весьма кратко (на 76 стр.) говоритъ о главномъ предметѣ нравственной психологіи, о томъ именно: какъ сознается, какъ идетъ нравственная жизнь, какъ грѣхъ объемлетъ душу, какъ добродѣтель стяжается, какъ чловѣкъ падаетъ и возстаетъ, какъ каждая отдѣльная страсть возгарается, развивается и побѣждается. Между тѣмъ въ твореніяхъ препод. Ефрема есть много статей прямо написанныхъ на эти темы. Во вторыхъ, во всемъ почти изложеніи авторомъ привнесень элементъ не психологическій. Говоря о свободѣ воли, авторъ подбираетъ только мѣста, доказывающія ея существованіе, но пропускаютъ тѣ, которыя объясняютъ: какъ дѣйствуетъ эта свобода. Говоря о благодати, авторъ занимается на пространствѣ цѣлыхъ десятковъ страницъ доказательствомъ того, что благодать и свобода существуютъ рядомъ, упускаемая изъ виду, что психологическій интересъ не въ этой аксіомѣ, а въ уясненіи: какъ именно уживаются, какъ содѣйствуютъ вмѣстѣ благодать и свобода.—Впрочемъ, эти недостатки вполнѣ извинительны новостью взятой авторомъ попытки и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что онъ, видимо, отдавъ много времени на первую половину сочиненія, мало сберегъ его для второй.

„Какъ особенное достоинство писательства Покровскаго нужно отмѣтить изящный по строгой выдержанности стиль. Такимъ стилемъ можетъ писать только глубоко сосредоточенный, самъ въ себѣ замкнутый умъ. Видимо, авторъ много привыкъ думать и самоуглубляться. Это высокое качество помогло ему сродниться съ духомъ пр. Ефрема: когда кончается выдержка изъ пр. Ефрема и начинается рѣчь самого автора — читатель не замѣтилъ: такъ слился духъ автора съ духомъ твореній Преподобнаго.

„Трудъ автора вполне достоинъ кандидатской степени“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Владимира Попова* на тему: „Система христіанскаго нравоученія по твореніямъ св. Іоанна Златоустаго“.

„Сочиненіе г. Попова очень не велико по объему: въ немъ 76 страницъ. Не обширна и та часть задуманнаго имъ плана, которую онъ исполнилъ на поданныхъ листахъ. Планъ автора, весьма подробно начертанный имъ во введеніи, дѣлитъ всю систему на 6 главъ, подраздѣляя каждую главу на нѣсколько особыхъ §§. Въ сочиненіи-же есть на лицо только 1 § I главы, 1 § II главы и 1—3 §§ VI-й главы.

„Однако нельзя ставить въ тяжкую вину автору эту краткость его работы. Во первыхъ, нужно припомнить, что авторъ долженъ былъ не прочитать, а изучить цѣлые десятки большихъ томовъ твореній Златоустаго. Изучать три тома или тридцать томовъ въ одинъ и тотъ же срокъ—далеко не равный трудъ. А что творенія Златоуста авторомъ изучены и изучены основательно,—въ томъ убѣждаетъ составленный планъ всей работы и написанные §§. Во вторыхъ, когда авторомъ были окончательно изучены творенія Златоустаго, то центръ работы лежалъ уже не столько въ написаніи системы, сколько въ самомъ начертаніи ея плана. Чтобы составить хорошій планъ той нравственной системы, которая дѣйствительно присуща была духу и твореніямъ Златоуста, для этого нужна продолжительная работа вынашивания этой системы. И вотъ эту-то работу, которая, быть можетъ, взяла для себя времени больше, чѣмъ ушло его на написаніе приготовленныхъ §§, авторъ принужденъ былъ всю почти оставить у себя, вынося на судъ читателя лишь конспективное ея содержаніе. Что касается составленнаго плана системы, то, за немногими поправками, которыя сдѣланы въ тетрадь, его можно одобрить.

На тѣ §§, которые приготовлены авторомъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на примѣры или образцы сноса исполненія имъ задуманнаго плана. Какъ таковые—они удовлетворительны вполне. На страницахъ труда Попова виденъ Златоустъ, слышно его живое, пропевающее до сердечныхъ глубинъ слово, облеченное всегда въ красивую форму, сильно дѣйствующее на чувство читателя. Г. Поповъ сумѣлъ передать эти особенности Златоустова слова. Не пропалъ подъ умѣлымъ перомъ автора и тотъ настойчиво убѣдительный тонъ рѣчи краснорѣчиваго проповѣдника, который не холодно говорить, но настоятельно повелѣваетъ.

„Посему, хотя авторъ написалъ очень мало, но во вниманіе къ обнаруженному имъ несомнѣнному изученію твореній Златоустаго и не малому умѣнью написать хорошо его нравственную систему, нужно признать его трудъ достойнымъ кандидатской степени“.

Доцента Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Василія Ремезова* на тему: „Въ какой мѣрѣ каноническому законоположенію и практикѣ Восточной Церкви соответствуетъ опредѣленіе дѣйствующаго права Русской церкви объ основаніяхъ брачнаго развода?“

„Названное сочиненіе довольно обширное по объему (1—528) представляетъ по существу стройное цѣльное изслѣдованіе, имѣющее задачу произнести научное сужденіе о каноническомъ достоинствѣ дѣйствующаго русскаго матеріально-бракоразводнаго права. Это сужденіе и высказано авторомъ въ категорической формѣ въ послѣдней главѣ сочиненія, какъ выводъ изъ цѣлаго изслѣдованія, такъ что это послѣднее представляетъ собою какъ бы полный мыслительный процессъ, путь, которымъ авторъ пришелъ самъ и привелъ своего читателя къ категорическому сужденію о данномъ предметѣ. Въ общихъ чертахъ этотъ процессъ представляетъ слѣдующіе отдѣльные моменты:

„Во введеніи (1—28) авторъ раскрываетъ мысль, что бракоразводное право, не смотря на тысячелѣтія практики до сихъ поръ ни въ законодательствѣ, ни въ юриспруденціи не получило совершенства и относится къ числу „вѣчныхъ вопросовъ“. Въ правѣ и юриспруденціи классическихъ государствъ бракоразводный вопросъ не могъ даже и претендовать на удовлетворительное разрѣшеніе по той причинѣ, что тамъ совсѣмъ отсутствовалъ нравственный идеаль брака, и жизнь семейная, равно какъ и воспитаніе дѣтей были поставлены совершенно односторонне. Можно было бы ожидать, что съ появленіемъ христіанства, возвѣстившаго истинный идеаль брака, высокое назначеніе личности и воспитанія дѣтей, въ христіанскихъ государствахъ бракоразводное право вступитъ на истинный путь и достигнетъ на этомъ пути удовлетворительныхъ результатовъ. Въ дѣйствительности оказывается однакоже далеко не то: „такъ, въ жизни католическихъ народовъ—говоритъ авторъ—мы услышимъ стонъ и рыданія многого множества супруговъ, которыхъ законъ заставляетъ жить въ аду совершенно испорченной брачной жизни, потому что католическое право не допускаетъ полнаго развода и не дозволяетъ вторичнаго

брака невинно разлученному супругу. Не много лучше обстоятъ дѣла по брачному разводу и въ православныхъ странахъ, напр. у насъ, въ Россіи... Доказательствомъ тому служатъ давнишніе и доселѣ не прекращающіеся нападки на дѣйствующее бракоразводное право... Гдѣ же искать причинъ столь печальнаго факта и средствъ для его устранения?"

„Авторъ не соглашается съ нашими свѣтскими писателями (какъ Способинъ, Градовскій, Оршанскій), требующими облеченія развода чрезъ увеличеніе числа оснований для него во имя требованій жизни, коимъ-де совсѣмъ не соотвѣтствуютъ признанныя въ дѣйствующемъ правѣ основанія развода и съ своей стороны признаетъ единственнымъ путемъ для правильнаго рѣшенія вопроса твердое установленіе евангельскаго и каноническаго принципа, присоединяясь въ семъ отношеніи къ взгляду г. Завьялова, выраженному въ его изслѣдованіи: „о бракѣ и брачномъ разводѣ“ (Странникъ 1891 и 1892 г.).

„Въ главѣ 1-й (29—94) авторъ анализируетъ ученіе св. Писанія Новаго Завѣта о брачномъ разводѣ, именно Ев. Мѡ. V, 32; XIX, 3—12; Мр. X, 2—12; Лук. XVI, 18 и въ Посл. Ап. Павла къ Рим. VII, 2—3 и 1 Кор. VII, 33, 34 и 39. Здѣсь авторъ положилъ очень много труда для доказательства того, что въ означенныхъ мѣстахъ содержится безусловное запрещеніе расторженія брака: *бракъ не расторгимъ*. Слова: *развъ словесе прелюбодѣтна* нужно понимать такъ: „тотъ, помимо выраженія собственной порочности, подастъ ей поводъ къ прелюбодѣянью“ (стр. 78). Такое толкованіе авторъ устанавливаетъ на основаніи довольно скрупулезнаго грамматическаго анализа. Въ слѣдующей (2-й) главѣ (95—139) авторъ пытается установить отношеніе принципа *догматической* „нерасторжимости“ къ принципу *канонической* „расторгаемости“, какъ идеала къ средству его достиженія. Дѣло въ томъ, что получивъ отъ Основателя Своего законъ о нерасторжимости брака, какъ великой тайны, Церковь въ дѣйствительности встрѣтила рѣзкое этому противорѣчіе и, всегда преднося нерасторжимость брака только какъ идеаль, должна была въ практикѣ своей примѣняться къ дѣйствовавшимъ законамъ и лишь постепенно примѣнять къ нимъ свой высокій идеаль. Въ этомъ преобразованіи гражданскаго права о разводѣ подъ вліяніемъ догматическаго принципа нерасторжимости брака и состоитъ задача каноническаго или церковнаго права. Такъ и вышло, что догматика христіанская проповѣдуетъ нерасторжимость брака, а церковное право — ра-

сторгаемость. Эта задача церкви преслѣдуется ею съ самаго начала ея существованія и до настоящаго времени. Въ слѣдующихъ за тѣмъ главахъ авторъ и доказываетъ исторически эту мысль. Такъ въ 3-й гл. онъ излагаетъ ученіе о брачномъ разводѣ въ первые три вѣка (стр. 140—188), въ гл. 4-й—ученіе греко-римскаго брако-разводнаго права, принятаго церковію (стр. 189—263). Здѣсь оканчивается первая часть сочиненія. Во второй части представляется историческое обзорѣніе бракоразводнаго права въ Россіи, а именно: въ гл. 1-й—(стр. 263—398) допетровское бракоразводное право; въ гл. 2-й (399—486) петровское и вообще XVIII-го вѣка бракоразводное право), въ гл. 3-й—(487 и до конца) дѣйствующее бракоразводное право.

„Въ результатѣ своего догматико-канонико-историческаго изслѣдованія авторъ пришелъ хотя и къ нѣскольکو отрадному выводу, что сокращеніемъ числа поводовъ къ разводу законодательствомъ XIX в. бракоразводное право значительно улучшилось, по сравненію съ предшествовавшими вѣками, но все же оно еще далеко отъ совершенства, а именно: „опредѣленіе дѣйствующаго права Русской Церкви—говоритъ авторъ—въ концѣ сочиненія—о нѣкоторыхъ поводахъ къ разводу имѣетъ основаніе для себя *въ букву* каноническаго законоположенія о нихъ Восточной Церкви, но оно совсѣмъ не соотвѣтствуетъ духу и принципамъ этого законоположенія“ (стр. 528).

„Авторъ признаетъ только разлученіе супруговъ, но отнюдь не разводъ и дозволеніе втораго брака по расторженіи перваго.

„По начитавности, связности и стройности изложенія, единству основной идеи, даже по виѣшней обработанности сочиненіе В. Ремезова не оставляетъ желать лучшаго. Но... авторъ грѣшитъ въ основной своей идеѣ и этотъ грѣхъ даетъ себя знать повсюду въ сочиненіи труднымъ положеніемъ автора провести свою идею во многихъ мѣстахъ, въ коихъ она никакъ не проходитъ. Авторъ принужденъ или замалчивать многія свидѣтельства св. отцовъ и церковные каноны, или какъ нибудь искусственно истолковывать ихъ. И эта тяжелая работа началась для автора съ самаго перваго опыта его въ семъ родѣ съ истолкованія Евангельскаго закона о расторженіи брака ради словесе прелюбодѣйна. Гоняясь за буквой, желая устранить въ этихъ словахъ мысль о винѣ прелюбодѣянія жены, авторъ опустилъ изъ виду внутреннюю логическую несообразность своего толкованія. Ибо то святая истина, что если мужъ отпускаетъ свою *невинную* жену и женится на дру-

гой: то онъ и ей даетъ поводъ прелюбодѣйствовать и самъ прелюбодѣйствуетъ; но если онъ невиненъ, а жена его впала въ связь съ другимъ; то отпустивъ ее ради *этой ея вины*, какимъ образомъ онъ становится виновникомъ ея прелюбодѣянiя?—совершенно непонятно: ибо она стала уже *ipso facto* прелюбодѣйницею. Евангелистъ Маркъ и Лука излагаютъ ученiе Господа о первомъ изъ сихъ случаевъ; Ев. Матѳеи—о второмъ; и между ними нѣтъ никакого противорѣчiя. Авторъ, далѣе, не звѣсилъ всей тяжести вины *прелюбодѣянiя*: по самой природѣ своей оно есть разрушенiе брака (Ehebruch): ибо разъ оно произошло съ той или другой стороны—*два* уже перестали быть въ плоть *едину*. Конечно, зидательно-благодатная сила таинства можетъ иногда и разрушенное такимъ дѣянiемъ единство плоти снова возсоздать, когда напр. прелюбодѣянiе—слѣдствiе случайности, минутнаго увлеченiя и когда вообще оторвавшiяся половины не совсѣмъ еще утратили взаимную способность къ воссоединенiю: Православная Церковь и употребляетъ средства къ этому воссоединенiю, не констатируя мгновенно разрушенiя брака. Но тамъ, гдѣ испытаны всѣ средства къ воссоединенiю разорвавшихся половинокъ, она изрекаетъ приговоръ о расторженiи: не она разрушаетъ бракъ, онъ уже разрушенъ, а она только констатируетъ совершившееся событiе—и въ этомъ отношенiи рѣзко отличается отъ римско-католической церкви, которая съ своимъ принципомъ нерасторжимости брака „осуждаетъ—по словамъ г. Ремезова—на адскiя мученiя множество неповинныхъ супруговъ“—и это дѣлаетъ и вопреки законамъ естественнымъ и вопреки закону Евангельскому.

„Несмотря на этотъ недостатокъ основной идеи сочиненiя В. Ремезова—принимая во вниманiе трудность вопроса и подъятыя имъ усилiя къ разрѣшенiю его, а также и выше отмѣченныя его достоинства, признаю его вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

Ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненiи студента *Михаила Святлаева* на тему: „Преподобный Иоаннъ Кассiанъ, его жизнь и аскетическiя творенiя и значенiе его въ исторiи Западнаго монашества“.

„Въ первоначальной исторiи западнаго монашества преподобный Иоаннъ Кассiанъ имѣетъ большое значенiе. Онъ въ значительной степени содѣйствовалъ развитiю иноческой жизни на Западѣ и практическою дѣятельностию, какъ устроитель монастырей, служившихъ образцомъ для другихъ монастырей, и, еще болѣе, сво-

ими сочиненіями, изъ которыхъ въ одномъ „De coenobiorum institutione“ (Объ устройствѣ общежитій) знакомилъ западъ съ монашествомъ Восточнымъ и указывалъ, въ какой формѣ оно могло бы возникнуть и окрѣпнуть на Западѣ, а въ другомъ, именно, въ сочиненіи „Collationes patrum“ (Собесѣдованія отцевъ) указывалъ путь, которымъ посвятившій себя иноческой жизни долженъ слѣдовать для достиженія совершенства христіанскаго.

„Не смотря на то, дѣятельность Кассіана, какъ устроителя монашеской жизни на Западѣ, научно была мало изучаема. Особыхъ монографій объ этомъ предметѣ нѣтъ и всѣ свѣдѣнія должны быть почерпнуты изъ общихъ историческихъ или историко-литературныхъ произведеній.

„Пустившись въ путь неперотореинной тропкою, не имѣя предшественниковъ и руководителей въ рѣшеніи избраннаго историческаго вопроса, г. Свѣтлаевъ, тѣмъ не менѣе вполне успѣшно выполнилъ свою задачу, съ достаточной полнотою и обстоятельностью освѣтивъ Кассіана, какъ важнаго дѣятеля въ исторіи монашества на Западѣ.

„Планъ въ сочиненіи г. Свѣтлаева—шаблонный, общепринятый въ монографіяхъ, имѣющихъ предметомъ историческихъ дѣятелей, особенно писателей. Послѣ предисловія, кратко указующаго вообще значеніе Кассіана въ церковной жизни Запада, дается очеркъ состоянія монашества и аскетической литературы на Западѣ до появленія сочиненій Кассіана. Затѣмъ дается обстоятельная біографія Кассіана, искусно составленная почти исключительно по его сочиненіямъ. Затѣмъ обзрѣваются самыя сочиненія Кассіана. Послѣ того авторъ разсматриваемаго сочиненія излагаетъ воззрѣнія Кассіана на внѣшній порядокъ жизни въ общежительныхъ монастыряхъ по сочиненію его „De coenobiorum institutione“. При этомъ онъ высказываетъ мысль, что монашескій уставъ Кассіана, начертанный въ „De coenobiorum institutione“, не представляетъ собою свода или кодекса правилъ, по подобію напримѣръ такъ называемаго Пахоміева устава или „правилъ Бенедикта Нурсійскаго“, такъ какъ у Кассіана „правила монашеской жизни“ являются предъ нами въ историческомъ изложеніи и, кромѣ того, снабжены доказательствами ихъ необходимости и разъясненіями ихъ цѣлесообразности на основаніи Св. Писанія или опыта „чѣмъ Кассіанъ хотѣлъ придать авторитетность своему уставу“. За очеркомъ воззрѣній Кассіана на внѣшній порядокъ жизни въ общежительныхъ монастыряхъ слѣдуетъ изложеніе мыслей его относи-

тельно происхожденіи, качества и средствъ врачеванія осьми главныхъ пороковъ по тому же сочиненію. Далѣе авторъ начертываетъ идеаль аскета по сочиненію Кассіана „*Collationes patrum*“, при чемъ замѣчаетъ, что „аскетическій идеаль преп. Кассіана—въ полномъ смыслѣ созерцательный“, такъ какъ, по его представленію; вся дѣятельность подвижника „стремится къ созерцанію, какъ къ своей цѣли и внѣ этой цѣли не имѣетъ значенія“, хотя этотъ „созерцательный идеаль не проповѣдуетъ какого либо квиетизма съ его унылымъ погруженіемъ въ туманную область безжизненныхъ идеализованныхъ ничто“, а настойчиво требуетъ „дѣятельнаго возвышенія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка“. Въ заключеніи указывается значеніе Кассіана для монашества Западнаго.

„Авторомъ разсматриваемаго сочиненія тщательно обслѣдовано все, что могло ему уяснить личность и значеніе преп. Кассіана. Ему хорошо извѣстны не только сочиненія Кассіана и сообщаемыя о немъ древними писателями свѣдѣнія, но и вся вообще аскетическая литература 4 и 5 вѣковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проявилъ умѣнье подмѣчать существенное въ предметѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія характеристики въ его сочиненіи, а равно значительную критическую способность, благодаря которой онъ, составляя біографію Кассіана, счастливо преодолѣлъ затрудненія, въ родѣ недостатка хронологическихъ данныхъ, разнорѣчія древнихъ писателей относительно отечества Кассіана и т. д.

„Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія въ разсматриваемомъ сочиненіи разносторонность изслѣдованія. Каждый вопросъ, имѣющій важность, въ немъ подвергается обстоятельному разьясненію, разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ авторъ сочиненія не только даетъ анализъ воззрѣній Кассіана, но и старается опредѣлить ихъ происхожденіе; напр. на стр. 427 и слѣд. разьясняетъ, что въ сочиненіи Кассіана „*Collationes patrum*“ принадлежитъ древнимъ Египетскимъ подвижникамъ и что въ немъ принадлежитъ самому Кассіану. Такъ на стр. 323—339 сравнивается назидательно-законоположительный уставъ Кассіана съ правилами Василія Великаго, переведенными на латинскій языкъ Руфиномъ, при чемъ замѣчается, что послѣдвія „носятъ преимущественно нравственно-назидательный характеръ, выяняютъ болѣе внутреннюю духовную сторону иноческой жизни“ и съ уставомъ Бенедикта Нурсійскаго, по преимуществу, законоположительнымъ и, вмѣстѣ, смягчившимъ суровыя правила Восточныхъ монастырей.

„Разсматривая разносторонне и вполне обстоятельно избранный

предметъ, г. Свѣтлаевъ никогда, однако, не позволяетъ себѣ ничего лишняго, — ни мелочныхъ подробностей, ни малозначущихъ цитатъ. Это — одно изъ немаловажныхъ достоинствъ разбираемаго сочиненія.

Доцента Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Константина Сильченкова* на тему: „Прощальная бесѣда Господа съ учениками“.

„Это обширное сочиненіе (всего 759 страницъ) представляетъ послѣдовательное изъясненіе бесѣды Господа съ учениками, излагающейся въ евангеліи Іоанна XIII, 31—XVII, 26.

„Недостатки: а) незаконченность работы, ибо изъясненіе доведено только до 16-й главы, т. е. задача выполнена авторомъ менѣе, чѣмъ на половиину; б) причину этой незаконченности должно полагать, кромѣ обще-студенческихъ условій предварительной подготовки автора къ учено-экзегетическимъ работамъ, главнымъ образомъ въ томъ, что авторъ не выработалъ себѣ какой либо общей задачи или цѣли, которыя могли бы опредѣлять выборъ истолковательнаго матеріала и единить работу, — вслѣдствіе чего онъ нерѣдко уклоняется къ постороннимъ вопросамъ (наприм. о братьяхъ Господа), которые можно бы было, безъ вреда дѣлу, опустить и тѣмъ сберечь время для, возможно, если и не совсѣмъ, полного экзегеса всей бесѣды; в) вредное въ этомъ отношеніи вліяніе оказывала также неумѣренная растянутасть изложенія, бесполезно отнявшая у автора конечно немало времени; г) наконецъ къ числу недостатковъ работы не могу не отнести небрежность правописанія, которую хотя и надо считать виною переписчика, но все же это не избавляетъ автора отъ упрека въ небреженіи обязанностью — внимательно перечитать переписку и исправить ошибки, такъ затрудняющія чтеніе и заставляющія читателя бесплодно тратить время на нецрїятное возстановленіе грамматическаго смысла.

„Но эти совершенно *не существенные недостатки*, вполнѣ при томъ извиняющіеся ограниченностію бывшаго въ распоряженіи автора времени, преизбыточно покрываются слѣдующими далеко не заурядными въ подобныхъ работахъ и *существенными достоинствами*: 1) авторъ изучилъ все, наиболее стоящія того и нужныя для дѣла, новѣйшія экзегетическія пособія иностранныя и весьма — весьма умѣло ими воспользовался; — 2) въ особую же похвалу автору надо поставить широкое изученіе и обильное пользованіе превосходными истолковательными трудами древнихъ экзегетовъ:

Оригена, Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Августина, Зигабена, Теофилакта и др., коихъ превосходными трудами авторъ проникся такъ, что и на его собственныхъ толкованіяхъ вѣтъ, давно уже утраченный западною экзегетикою, духъ древне-церковнаго экзегеса;—3) столь-же похвально и то, что, вмѣсто сравнительно легкаго и почти всегда неосмысленно безцѣльнаго нанизыванія разныхъ примѣчаній экзегетическаго характера, авторъ стремится проникнуть, такъ сказать, въ самое сердце бесѣды, уловить ея основной тонъ, опредѣлить ея фокусъ, дабы отсюда освѣщать всѣ частныя стороны ея и разные мелкіе вопросы экзегеса; частныя же и болѣе случайныя замѣтки авторъ выдѣляетъ изъ изслѣдованія въ особый и обширный отдѣлъ приложений (200 страницъ съ 425-ю примѣчаніями); 4) обращаютъ также вниманіе: встрѣчающійся по мѣстамъ тонкій анализъ психологическій, мѣткія сближенія, талантливныя характеристики, удачныя экзегетическія наблюденія и глубокое раскрытіе нравственно-догматическихъ понятій, сильно и всесторонне освѣщающее нѣкоторыя темныя мѣста текста,—наконецъ теплота и искренность нравственно-религіознаго чувства, разливающагося по всей работѣ, сообщающаго ей какую то особенную пріятность и усладу при чтеніи (что совершенная рѣдкость не только въ русскихъ, но и въ заграничныхъ экзегетическихъ трудахъ)—все вообще и въ частности даетъ видѣть, что авторъ работалъ въ своей, ему родной и для него пріятной, области.

„По всѣмъ указаннымъ достоинствамъ своимъ трудъ г. Сильченкова не только достоинъ кандидатской степени и не только заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія, но и по достиженіи, къ сожалѣнію еще очень—очень далекаго, конца былъ бы превосходною и для русскаго богословія чрезвычайно полезною магистерскою диссертациею“.

Бывшаго доцента Академіи, Протоіерея Александра Мартынова о сочиненіи студента *Николая Слезкина* на тему: „Точное изложеніе православной вѣры“ св. Іоанна Дамаскина: оцѣнка этого сочиненія, какъ опыта системы православной догматики, и его историческое значеніе“.

„Изслѣдованіе г. Слезкина предваряется введеніемъ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ общій вопросъ объ отношеніи разума человѣческаго къ истинамъ вѣры (откровенія)—съ цѣлю опредѣлить, какъ нужно понимать историческій процессъ раскрытія догматовъ, завершеніемъ котораго въ патристическомъ періодѣ яв-

ляется догматика св. Іоанна Дамаскина. Противъ умѣстности такого введенія,—какъ ни отдаленна, повидимому, связь его съ главною темой сочиненія,—можно пожалуй и не возражать; но сужденія, высказанныя здѣсь авторомъ, не отличаются ни оригинальностью, ни достаточной обстоятельностью и ясностью: тутъ просто повторены нѣкоторыя отрывочныя мысли изъ недавняго журнальнаго спора между г. Вл. Соловьевымъ и его полемистами (г. Шостынымъ и Стояновымъ) о такъ называемомъ развитіи (или усовершенствѣ) догматовъ.

„Самое изслѣдованіе г. Слезкина состоитъ изъ 4-хъ главъ. Въ главѣ 1-й подвергаются историко-критическому разсмотрѣнію опыты систематизаціи догматовъ у предшественниковъ св. Іоанна Дамаскина (Оригена, св. Кирилла Іерус., св. Григорія Нисскаго и блаж. Теодорита). Въ гл. 2-й подробно передается содержаніе „Точнаго изложенія вѣры“ Дамаскина въ той послѣдовательности, въ какой является оно въ сочиненіи самого автора. Въ главѣ 3-ей авторъ даетъ „разборъ“ догматики св. Іоанна Дамаскина какъ съ матеріальной, такъ и съ формальной ея стороны: въ первомъ отношеніи онъ анализируетъ логическую связь и рассудочныя обоснованія разныхъ частичныхъ отдѣловъ догматики и вмѣстѣ отмѣчаетъ историческую зависимость богословствованія Дамаскина и отъ условій его времени, и отъ догматическихъ изслѣдованій его предшественниковъ; во второмъ отношеніи онъ обсуждаетъ и оцѣниваетъ сочиненіе Дамаскина, какъ систему, съ точки зрѣнія — метода, плана, взаимнаго расположенія и объема частей, языка и стила и т. п. Наконецъ, въ послѣдней, 4-й гл., имѣющей видъ краткаго конспекта, авторъ разсуждаетъ о значеніи и вліяніи догматической системы Іоанна Дамаскина въ послѣдующей исторіи православно-восточной догматики до новѣйшихъ временъ.

„Какъ показываетъ краткое изложеніе содержанія, сочиненіе г. Слезкина представляетъ собою очень полную и—нужно прибавить—очень обстоятельную монографію. Классическое твореніе св. Іоанна Дамаскина обслѣдовано тутъ всесторонне и оцѣнено вполне правильно (лучше, впрочемъ,— само въ себѣ, чѣмъ въ историческомъ его значеніи и отношеніи). Стороннихъ пособій и руководствъ авторъ имѣлъ не много, и потому сужденія его по большей части самостоятельны и обнаруживаютъ зрѣлую богословскую мысль.—Изложеніе сочиненія—плавное и стройное; языкъ, за немногими неточностями,—вполнѣ литературный.

„Вообще по своимъ достоинствамъ сочиненіе г. Слезкина мо-

жетъ быть отнесено къ числу очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

Доцента Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Василія Смирнова* на тему: „Св. Пророкъ, Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ“.

„Обширный (655 стр.) трудъ автора имѣетъ двѣ части: *первая* изображаетъ, такъ сказать, историческую почву, на которой родился, выросъ и дѣйствовалъ Креститель,—въ свою очередь эта часть дѣлится на двѣ главы, изъ коихъ въ первой рѣчь ведется о ветхозавѣтной теократіи, ея сущности и цѣли (14—60 стр.), а во второй — о религіозно-нравственномъ состояніи современнаго Предтечѣ іудейства, о мессіанскихъ ожиданіяхъ іудеевъ, о сектахъ фарисейской, саддукейской и ессейской и пр. (стр. 61—182);—*вторая часть* посвящена подробному изображенію жизни и дѣятельности Предтечи, распадаясь на слѣдующія главы: 1) жизнь Крестителя до его общественнаго служенія (стр. 183—344), гдѣ авторъ подвергаетъ подробно всестороннему изслѣдованію сказаніе св. Евангелиста Луки объ обстоятельствахъ рожденія Предтечи, опредѣляетъ время рожденія его и описываетъ условія, въ какихъ провелъ или долженъ былъ провести Предтеча свое дѣтство, отрочество и юность; 2) общественное служеніе Крестителя (349—528), а именно: годъ вступленія Крестителя въ общественное служеніе, призваніе его свыше къ сему служенію, нравственно-религіозныя и мессіанскія воззрѣнія Предтечи, его отношеніе ко Христу, его дѣятельность и проповѣдь; 3) Заключение Крестителя въ темницу и его мученическая кончина (стр. 529—655), въ частности: время и мѣсто заключенія, его причины и обстоятельства мученической кончины.

Главные *недостатки* труда: 1) съ *формальной* стороны: вся первая часть сочиненія не имѣетъ внутренняго органическаго единства со второю, пришита внѣшне и стоитъ особнякомъ, такъ что отсутствіе ея въ началѣ сочиненія не было бы замѣтно и не имѣло бы существеннаго значенія; напротивъ ея естественное мѣсто, въ сокращенномъ видѣ и въ болѣе соответствующей вопросу обработкѣ, было бы во второй части, и именно въ концѣ первой или въ началѣ второй ея главъ, какъ это, повидимому, сознаетъ и самъ авторъ, возвращаясь въ указанныхъ мѣстахъ своего сочиненія къ предметамъ, составляющимъ содержаніе первой части; сюда же надо отнести недостаточно ясное разграниченіе предметовъ, излагающихся въ отдѣлахъ (2-й части, начиная со страницы 469 и да.

лѣе) о главныхъ моментахъ дѣятельности Крестителя, его ученіи о царствѣ Божіемъ и покаяніи отъ предшествующихъ разсужденій той же главы о релігіозно-мессіанскихъ воззрѣніяхъ Крестителя;— 2) *со стороны содержанія*: а., слабость цитации изъ древне-христіанскихъ писателей, которая хотя и можетъ быть объясняема обиліемъ таковой цитации въ превосходномъ трудѣ прот. С. Вишнякова, однакоже это ни мало не освобождало автора отъ обязанности самостоятельно провѣрить и восполнить трудъ своего предшественника; б) не совершенно полное изученіе новѣйшей литературы по относящимся къ темѣ вопросамъ, не только иностранной (нѣтъ слѣдовъ пользованія классическимъ трудомъ Евальда, автору неизвѣстно заслуживающее полнаго вниманія и оригинальное толкованіе Годэ (Godet) вопроса Крестителя къ Господу: ты ли грядый или ждатель намъ *многo?* въ смыслѣ: *d. uino—stano*, т. е. объясненіе сего труднаго для экзегеса вопроса Предтечева раввинскими различеніями и ожиданіями двухъ Мессій — страждущаго (сынъ Іосифа или Ефрема) и торжествующаго (сынъ Давида), но даже отчасти и русской (объясненіе сего вопроса психологически-субъективнымъ процессомъ развитія вѣры и желаніемъ утѣшаться предъ смертію вѣстами отъ Того, Кого другомъ жениховымъ былъ Предтеча); в., извѣстіямъ апокрифовъ и Іосифа Флавія авторъ удѣляетъ меньше вниманія, чѣмъ сколько они того заслуживаютъ и сколько имъ дается въ современной наукѣ; г., наконецъ, какъ наиважнѣйшая глава объ общественномъ служеніи Крестителя почти вся имѣетъ апріорно-повѣствовательный характеръ, безъ научнаго обслѣдованія относящихся датъ и перетолковываемыхъ весьма различно.

„Но всѣ эти недостатки, вполнѣ извиняющіеся обширностію труда съ одной стороны и ограниченностію бывшаго у автора времени съ другой, всецѣло покрываются весьма существенными *достоинствами* работы, къ которымъ особенно принадлежатъ: 1) законченность работы, заслуживающая нарочной похвалы особенно въ виду обширности темы какъ со стороны объема, такъ и со стороны содержанія; 2) полнота, основательность и отчетливость изслѣдованія источниковъ объ обстоятельствахъ рожденія и кончины Предтечи; 3) за вышеуказанными и другими небольшими исключеніями, полнота изученія иностранной и русской литературъ по данному вопросу вообще и по частнымъ его сторонамъ; 4) наконецъ ясность, простота и частію краткость изложенія.

„Въ виду всѣхъ указанныхъ достоинствъ трудъ автора не только

вполнѣ достоинъ степени кандидата богословія, но и заслуживаетъ полного одобренія“.

Доцента Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Дмитрія Соколова* на тему: „Доказательства первобытнаго монотеизма на основаніи исторіи древнѣйшей китайской религіи“.

„Сочиненіе г. Соколова отличается однимъ достоинствомъ, которое въ значительной мѣрѣ выкупаетъ все его недостатки (изъ нихъ главнѣйшіе: компиляціи, — впрочемъ, часто оговариваемыя, — и литературная неотдѣланность), — *выдающимися трудолюбіемъ*. Авторъ приступилъ къ своему (нелегкому) дѣлу достаточно вооруженнымъ (онъ хорошо знаетъ англійскій языкъ, удовлетворительно французскій и нѣсколько нѣмецкій); тщательно собралъ все, что могъ собрать, по литературѣ своего вопроса; добросовѣстно все собранное протрудировалъ и довольно толково изложилъ добытые результаты. Иногда его выводамъ можно пожелать большей отчетливости и точности въ формулировкѣ (они изложены въ концѣ сочиненія въ *восьми тезисахъ*); но основная мысль сочиненія вѣрна и обоснована достаточно. При томъ, съ похвальною тщательностію, авторъ повсюду закрываетъ выходъ къ одностороннему перетолкованію его тезисовъ въ духъ механическаго или пантеистическаго пониманія исторіи и начального момента религіознаго процесса. Авторъ признаетъ вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей, что древнекитайская религія была выше и чище конфуціанства и отсюда заключаетъ, что „первоначальная религія китайцевъ была монотеистическою“ и именно -- „монотеизмомъ натуралистическимъ“, однако, съ „нѣкоторымъ супранатуралистическимъ оттѣнкомъ“, поскольку „искомое въ природѣ божество ощущалось чело-вѣкомъ (китайцемъ) прежде всего въ его собственномъ духѣ и при томъ не какъ часть его природы, и какъ нѣкое „темное наслѣдіе первоначальнаго знанія о Богѣ““ (стр. 388).— Въ общемъ сочиненіе носитъ характеръ серьезный и степени кандидата заслуживаетъ вполнѣ“.

Ординарнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Константина Соколова* на тему: „Истины показаніе“ *Зиновія Отенскаго*“.

„К. Соколовъ разсматриваетъ это сочиненіе инока Зиновія, какъ церковно-историческій источникъ, какъ памятникъ, въ которомъ отразились современныя его автору движенія въ Русской Церкви. К. Соколовъ находитъ, что этотъ памятникъ еще не изученъ, какъ слѣдуетъ, и надѣется посредствомъ надлежащаго изученія

его познакомиться „съ состояніемъ богословскаго мышленія и церковной публицистики въ эпоху 50-хъ и 60-хъ годовъ XVI в., разъяснить и другія стороны церковно-исторической жизни той эпохи и разрѣшить главнѣйшіе ея вопросы“ (стр. 64 и 67). Дѣйствительно авторъ внимательно пересматриваетъ вопросы, занимавшіе русскую церковь того времени, насколько они отразились въ твореніи Зиновія и при этомъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ русской исторической литературой по этимъ вопросамъ. Въ сочиненіи автора всюду замѣтно стремленіе вникнуть въ сущность излагаемаго предмета и рассмотреть его съ разныхъ сторонъ. Но не находимъ у автора историко-литературнаго разбора памятника, безъ чего трудно оцѣнить его значеніе, какъ церковно-историческаго источника. Не достаточно ясно описаны богословское воспитаніе и характеръ Зиновія, какъ богослова. Не менѣе замѣтны и другіе пробѣлы въ трудѣ г. Соколова.

„Авторъ вообще ставитъ вопросы не прямо и не просто, отчетливо ихъ выражая, а подстудаетъ къ нимъ издали, при чемъ излагаетъ ихъ часто слишкомъ многословно, развлекая вниманіе читателя діалектическими длиннотами, не всегда заботясь о чистотѣ и точности изложенія. Многіе факты, важные по своему значенію въ составѣ темы, недостаточно выяснены. Такъ неясны остаются туземныя условія успѣха заносныхъ идей, волновавшихъ тогдашнее русское общество, равно какъ отношенія Косаго къ Максиму Греку и Вассіану, самихъ клирошанъ къ Косому. Можно замѣтить, что тема разработана авторомъ недостаточно отчетливо, а потому и выводы изслѣдованія не вполне соотвѣтствуютъ поставленной авторомъ задачѣ. Эти недостатки, впрочемъ, не мѣшаютъ признать сочиненіе г. Соколова очень удовлетворительнымъ“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента *Петра Суринова* на тему: „Нравственное ученіе преподобнаго Нила Синайскаго“.

„Къ достоинствамъ сочиненія г. Суринова нужно отнести слѣдующія качества. Авторъ сѣумѣлъ понять характеристическую особенность писаній преподобнаго Нила, которая не позволяетъ искать въ нихъ полной, строго выдержанной, научной нравственной системы. Посему авторъ изложилъ нравственное ученіе св. отца по слѣдующему несложному плану: а) Идеалъ нравственной жизни—въ Богообщеніи, б) Грѣхъ и в) Добродѣтель. Принципъ *богообщенія*, какъ смысла нравственной жизни, выдержанъ авто-

ромъ до конца.—Первая половина работы отличается характеромъ полноты; не пропущено ни одного почти мѣста изъ пр. Нила, такъ или иначе относящагося къ дѣлу. Часто авторъ приводитъ въ концѣ выдержки цѣлыя вереницы параллелей.—Видимо, авторъ увлеченъ былъ изучаемыми твореніями, что отразилось на его живомъ стилѣ, иногда даже переходящемъ въ зпальчивый, когда рѣчь идетъ о критикѣ.

„Наиболѣе существенные недостатки слѣдующіе. Вся вторая часть работы (съ 133 стр.) значительно ниже первой. Къ концу дѣло сходитъ просто на нѣтъ. Въ главѣ о добродѣтели авторъ написалъ только половину, а вторую часть, часть самую важную почти во всемъ сочиненіи, не написалъ. Впрочемъ онъ говорилъ мнѣ, что это окончаніе въ видѣ набросковъ у него есть. При этомъ отсутствіи конца и надобность первой половины какъ то кажется излишней: лучше бы и сначала коротко и въ концѣ вмѣсто ничего — тоже коротко. — Въ первой половинѣ сочиненія авторъ всегда скрѣпляетъ выдержки изъ пр. Нила выясненіями ихъ связности, ихъ единопринципности. Видно, что пишется логически связанная система. Но къ концу — эти связи все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Авторъ заразъ выписываетъ на нужную тему 5—6 страницъ изъ пр. отца, дѣлая подобныя ничего не значущія связи (стр. 177) „Еще менѣе самъ человекъ долженъ говорить о своихъ добродѣтеляхъ“ дальше — выписка; (стр. 180) „на вопросъ о способѣ, какъ достигнуть смиренномудрія, пр. Нилъ пишетъ“, а дальше опять—выписка. И такимъ способомъ написана вся вторая часть сочиненія. Но, впрочемъ, приводимыя выписки—все на тему и расположены въ порядкѣ. — Г. Суриновъ иногда совсѣмъ забываетъ, что онъ пишетъ систему по извѣстному автору. Вмѣсто того, чтобы приводить наиболѣе классическія мѣста изъ пр. Нила, онъ приводитъ положительно цѣлый рядъ выдержекъ съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ; иногда онъ не даетъ себѣ даже труда выбрать изъ подходящаго мѣста главное, но приводитъ цѣликомъ цѣлыя страницы, затемняя такимъ образомъ главную мысль второстепенными, прямо къ дѣлу не относящимися.

„Не особенно тщательно дѣленіе авторомъ своей работы: иногда цѣлыя главы не имѣютъ заголовка, такъ что лишь по смыслу приходится догадываться о томъ, что это глава отдѣльная, а иногда глава неожиданно подраздѣляется на §§, которые по неизвѣстной причинѣ продолжаются не до конца главы.

„Въ общемъ-же трудъ г. Суринова (въ немъ 202 стр.) стоитъ

все таки на той высотѣ, которая даетъ ему право на получение степени кандидата богословія“.

Ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента *Никандра Тихомирова* на тему: „Галицкая митрополія“.

„Сочиненіе г. Тихомирова состоитъ изъ шести главъ. Въ первой главѣ—очеркъ исторіи Галицко-владимирскаго княжества; во второй главѣ—о причинахъ возникновенія Галицкой митрополіи и непостояннаго, временно-періодическаго ея существованія; въ третьей главѣ — о фиктивныхъ Галицкихъ митрополитахъ XIII вѣка; въ четвертой главѣ—о рядѣ попытокъ учрежденія особой Галицкой митрополіи, предпринимаемыхъ Галицкими князьями Романовичами съ первыхъ годовъ XIV вѣка до пресѣченія ихъ династіи; въ пятой главѣ—о попыткахъ къ церковному обособленію Галиціи послѣ пресѣченія династіи природныхъ русскихъ князей — Романовичей при иноземныхъ (Литовско польскихъ) владѣтеляхъ до конца XIV вѣка; въ шестой главѣ—о дальнѣйшей церковной судьбѣ Галиціи до окончательнаго отдѣленія ея вмѣстѣ съ Литвой и Кіевомъ отъ Московской митрополіи.

„Предметъ изслѣдованія г. Тихомирова, будучи значительно обширнымъ, въ тоже время и значительно труденъ отчасти по отсутствію матеріала, отчасти по наличности матеріала недоброкачественнаго (подложныя грамоты). Обширность предмета требовала отъ г. Тихомирова нарочитаго усердія къ его изученію, а трудность предмета требовала напряженнаго вниманія при его изученіи. Занимавшись дѣломъ сколько съ усердіемъ, столько и съ вниманіемъ, которыя требовались, г. Тихомировъ представляетъ въ своемъ сочиненіи ученый трудъ, о которомъ я долженъ отозваться съ очень большою похвалою“.

Доцента Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Павла Тихомирова* на тему: „О познаваемости Божества“.

„Рецензентамъ студенческихъ сочиненій, безъ сомнѣнія, случается иногда вычитывать изъ нихъ новыя свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ детальнымъ вопросамъ; но едва ли часто выпадаетъ имъ на долю удовольствіе ознакомиться по студенческому сочиненію съ новымъ, своеобразно и послѣдовательно развитымъ, взглядомъ на цѣлую группу и при томъ важныхъ вопросовъ своей специальности: для этого студенты оказываются обыкновенно не достаточно свѣдущими или черезъ чуръ робкими. И вотъ именно такое, столь рѣдкое удовольствіе, доставило намъ чтеніе сочиненія г. Тихомирова. Касаясь одного изъ самыхъ существенныхъ философско-

богословскихъ вопросовъ, авторъ даетъ ему постановку, хотя и не безусловно новую (въ философіи, гдѣ почти всѣ пути уже исхожены, это слишкомъ трудно!), тѣмъ не менѣе достаточно своеобразную, чтобы задержать на себѣ вниманіе и снова поманить надеждою на найденный, наконецъ, выходъ изъ лабиринта разномиѣній и споровъ.

„Схема сочиненія очень проста: „раціональная теологія не даетъ достовѣрнаго познанія о бытіи, свойствахъ и отношеніи Бога къ міру, такъ какъ опирается на нѣкоторыхъ гносеологическихъ и метафизическихъ предпосылкахъ, а эти предпосылки, какъ показываетъ историко-критическое изслѣдованіе новѣйшей философіи, не установлены, такъ что приходится искать источника богопознанія въ иной области или силѣ нашего духа и именно—въ художественномъ или интуитивномъ постиженіи религіозной истины“— вотъ основныя положенія сочиненія. Повидимому, ничего особенно новаго, никакихъ открытій: схема простая, ясная и—только, кажется. Однако, кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ взятаго на себя авторомъ вопроса, тотъ, конечно, признаетъ, что выработать эту схему было гораздо труднѣе, чѣмъ написать или прочесть. Установка этой схемы потребовала отъ автора обширныхъ историко-философскихъ свѣдѣній, крѣпкой логики, тонкой и пронизательной критики, пополненія свѣдѣній въ различныхъ смежныхъ областяхъ и, какъ дополнительнаго условія ко всему этому,—большого и упорнаго труда. Ознакомленіе съ сочиненіемъ убѣждаетъ, что его авторъ не скомпрометтировалъ того серьезнаго и важнаго вопроса, за который взялся. Трудъ, къ сожалѣнію, выполненъ не во всѣхъ частяхъ¹⁾; но уже и изъ того, что сдѣлано легко можно убѣдиться, что, если бы авторъ располагалъ большимъ срокомъ, онъ сумѣлъ-бы выполнить съ такою же отчетливостью и мастерствомъ, съ какими написаны лучшія страницы сочиненія (главы 1-я 1-го отд., критика Спенсера), и всѣ остальныя его части.

„Отдавая должную дань эрудиціи и философскому дарованію автора; признавая постановку дѣла въ общемъ правильною и плодотворною; находя научныя приемы автора (критическая точка зрѣнія) заслуживающими полнаго одобренія, какъ хорошій противо-

¹⁾ Въслѣдствіе этого мы предложили автору конспектировать свое сочиненіе, каковой конспектъ здѣсь и прилагаемъ, какъ доказательство широты и серьезности постановки дѣла.